

Весьёгонская волчица

Автор:

Борис Воробьев

Весьёгонская волчица

Борис Тимофеевич Воробьев

Месть, ненависть, любовь, предательство, стремление понять друг друга и невозможность договориться – все эти чувства переживут вместе с главными героями и жители небольшой российской деревушки, где происходит действие книги. Герой повести Егор – потомственный охотник-волчатник. Он жил среди природы, как жили его дед и прадеды: растил дочь, любил лес, охотился, отстреливал волков. Но вдруг его жизнь пересекается с жизнью необыкновенной волчицы. История, которая произошла между Егором и вожаком стаи – умной, опытной, а потому крайне опасной волчицей, и стала сюжетом повести. Человеку и зверю придется пройти через множество испытаний, которые изменят их. В 2004 году по книге Бориса Воробьева «Весьёгонская волчица» была снята одноименная приключенческая драма, получившая большой отклик у зрителей и удостоенная многих кинематографических наград.

Борис Воробьев

Весьёгонская волчица

Часть первая – НЕНАВИСТЬ

Глава 1

...Тяжело прошумел в верхах ветер, сорвал с веток снег, осыпав радужной пылью спины лежащих внизу волков. Ель покачнулась, и Егор еще теснее прижался к стволу, запоздало пожалев о том, что не догадался взять из дровней веревку. Сейчас привязался бы и ни о чем не думал. Уж лучше бы замерзнуть, чем волкам в зубы...

Вот ведь как все повернулось! Какой год охотится на этих самых волков, перестрелял и переловил незнамо сколько, а надо же – самого загнали на дерево! Эх, жизнь-жестянка, не знаешь, где и упадешь... Разве думал, когда ехал на делянку, что волчица выследит его и здесь? Другое дело – подстерегла бы у себя на болоте, так нет же, сюда принесло, окаянную!

Часов у Егора не было, но он и без них определил, что сидит уже больше часа. Правда, пока сидеть было можно – сквозь полушубок и ватные брюки ни ветер, ни мороз не проникали, тепло и ногам в валенках, и все же никакая одежда не поможет, если придется ждать долго. Но верить в это не хотелось. По прикидкам выходило, что волки не догнали лошадь – больно уж быстро вернулись, – и сейчас она уже в деревне, и там идет суматоха.

Егор представил себе, как бегают деревенские мужики и бабы, как распоряжается всем председатель, и ему стало радостно на душе от нарисованной картины. И только мысль о жене и дочке приглушала радость. Ладно, дочка, три годка только, ничего еще не понимает, а жена небось ревмя ревет, небось думает, что его и в живых уже нет. Он вспомнил, что, уезжая, наказал жене истопить к его возвращению баню, и она, наверное, истопила, а он сидит тут, как цуцик. Одна радость – табак.

Махорка и спички были в кармане, и Егор покурил, а окурок бросил на головы волкам – приятно было хоть чем-нибудь досадить зверям.

Мысли вернулись к старому. Ну надо же, как все сошлось! Приехал, называется, за бревнами! А ведь мог бы додуматься, что дело добром не кончится, ведь все шло к этому. Сначала Дымка сожрала, а потом волчица к дому приходила – мало тебе этого? Нет, заладил, как дурак: ничего ему волки не сделают! Сиди теперь, кукуй, раз такой смелый, да моли бога, чтобы в деревне поскорее хватились... А все волчица. И откуда только взялась такая курва? Вишь чего надумала – за выводок рассчитаться! Сколько раз брал выводки, и ничего, а эта взбеленилась.

Полгода прошло, а все не забыла...

Прошло и верно полгода, волчиный выводок Егор взял в мае, а вообще-то охотничьи дела его были давние, такие, что не сразу и вспомнишь.

Глава 2

Охотиться Егор начал рано, мальчишкой еще. Да и как по-другому, когда все Бирюковы испокон веку были охотниками? И не какими-нибудь, а волчатниками. Волчатником был и отец Егора, и дед, и прадед, Тимофей Бирюков, известный на всю округу тем, что охотился с ручным волком. Как этот волк попал в дом к прадеду – взял ли его Тимофей Бирюков волчонком или подранил взрослого зверя, а потом приручил, – никто из Егоровой родни не знал. Даже дед ничего не помнил про то время, потому что был совсем мальцом, когда отец пропал в лесу. Без следа пропал и без слуха – ушел и сгинул вместе со своим волком. Пропасть в дремучем лесу – дело нехитрое, там с человеком всякое может случиться, однако молва не связывала гибель Тимофея с дикостью здешних мест. Не такой был человек Тимофей, чтобы взять да и заблудиться или ненароком свернуть шею в каком-нибудь буераке. Нет, не по своей оплошности пропал Тимофей – никто другой, как волк, погубил охотника. Видать, навел на него стаю, и звери загрызли Тимофея.

После такого случая в самый раз остерегаться Бирюковым, держаться подальше от леса, да где там! Завязатого нрава были все, с ружьем не расставались, передавая один другому опасную науку волчьих облав и выслеживаний.

Лет с двенадцати стал охотиться и Егор. Сначала было вроде забавы, а потом пристрастился по-настоящему. Стрелял из дедовой берданки зайцев да боровую дичь. Добывал немного: не хватало ни силенок, ни сноровки, ни огневого припаса, но и то, что приносил, было приварком для стола, где, кроме картошки и молока, других разносолов не водилось. Время стояло трудное, шла война, и на отца уже получили похоронку, а у Егора были еще две малые сестренки. Тут каждый лишний кусок был к месту.

Нехватка пороха и дроби, понятно, беда для охотника, зато это приучило Егора стрелять редко, но метко. И годам к шестнадцати он стал первым стрелком в

деревне, а к двадцати решил больше не гоняться за мелочью и взялся за волков. Их в том глухом углу Калининской области, под Весьегонском, всегда хватало, а после войны развелось видимо-невидимо. Стрелять зверье было некому, мужиков в деревнях повыбило войной, и волки окончательно обнаглели. Собакам и скотине от них не было никакого спасу. Чуть зазеваается какая дворняга, глядишь, волки уже тащат ее в лес; стоит пастуху отвернуться, как уже нет овцы или телки. Да что скотина – ребятишек боялись отпускать по грибы. Поэтому никто не удерживал и не отговаривал Егора от того, чтобы стать волчатником. Все знали о его меткости и удачливости, к тому же и выгода получалась немалая, поскольку за каждого убитого волка в заготконторе платили по пятьсот рублей. Дело, конечно, опасное, не каждый решится идти на волка, но Егор-то вон какой вымахал. Да и пятьсот рублей на дороге не валяются.

Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Волк – зверь серьезный, тут старая берданка плохая подмога, а еще и картечь нужна, и капканы. А где взять? Спасибо председателю сельсовета, выручил. Вместе с Егором ездил в район, хлопотал о ружье и капканах. Ручался за Егора, говорил, что тот все затраты на него оправдывает. Уважили председателя, как-никак фронтовик, две «Славы» имеет, и вручили Егору в счет аванса новенькую «тулку» двенадцатого калибра и три волчьих капкана, густо смазанных солидолом. Отвесили порошу и дробь с картечью.

Вроде все устроилось, однако скоро начались нелады. Сходив раз с охотничьей бригадой на облаву, Егор заявил председателю сельсовета, что будет промышлять один, потому как мотаться по лесу без толку он не согласен. Разве это охота, когда все галдят, как вороны, курят и гремят разными железьяками?

Председатель, всю войну провоевавший в разведчиках, в душе был согласен с Егором, но положение обязывало его не допускать партизанщины, и он долго увещевал Егора, просил не идти против коллектива. В бригаде и так мало охотников, а уйдет Егор, вообще некому будет работать. Ну не получилось один раз, получится в другой, а бригадиру он скажет, чтобы подтянул у мужиков дисциплину.

Но Егор настоял на своем, хотя и хлебнул потом лиха. Бригада, какая она ни есть, все бригада, в ней каждый помогает другому и работает для всех, а один – он один и есть. Все делай и соображай сам, никто тебе ничего не подскажет. Пока до какой-нибудь волчьей хитрости докумекаешь – мозги набекрень

сдвинутся. Потому так и получилось, что за первую зиму Егор с грехом пополам добыл одного волка. Ох и смеялись охотники! Костили Егора на чем свет стоит, обзывали единоличником и куркулем, но Егор сопел в свои две дырочки и целыми днями пропадал в лесу.

Трудно давалось знание волчьих повадок. Взять хотя бы тропы. Это только кажется, что волки бегают по лесу без разбора, а на самом деле у них для всякого случая своя дорога. А какая и для чего – тут Егору пришлось поломать голову. Зато многое прояснилось, и Егор, наткнувшись на волчью тропу, уже не гадал, куда это направились волки, на охоту или на лежку, а мог сказать об этом в точности. А сами следы? Здесь тоже нужен был глаз да глаз, потому что глянешь – вроде прошел один волк, а приглядишься – пробежала стая. Волки, когда их не гонят, бегают не врассыпную, а друг за дружкой, след в след, поэтому и кажется, будто прошел один зверь.

Мало-помалу разобрался Егор и с волчьим воем, научился отделять голоса молодых от матерых, распознавать, о чем они воют. И сам стал подражать вою, вабить, как говорят охотники. Но и здесь тоже было много такого, что не лезло ни в одни ворота. Вот, скажем, завыл ты. Воешь, стараешься, даже голову задираешь по-волчьи кверху, а сам думаешь: да неужто волк, дикий зверь, не отличит этот вой от своего, волчьего? Так не отличали ведь! Стоило завывать, и вот уже откликнулся один, другой, третий. И уж тут не хлопай ушами: вой, подманивай зверя под выстрел. Егор и подманивал, дивясь волчьему неразумству.

Правда, не все волки поддавались обману, а уж волчицы, особенно старые, – те совсем редко. Ухитрялись, неизвестно как, отгадывать, что дурачат их, и ни за что не отзывались.

Словом, со временем дело у Егора пошло, и все насмешники прикусили языки. Да и о чем было говорить, если Егор за зиму меньше десятка волков не брал? В заготконторе с ним теперь здоровались за ручку и величали по имени-отчеству, а портрет Егора из года в год так и висел в сельсовете на Доске почета.

Чего бы не жить, спрашивается, но судьба рассудила по-своему, свела, как будто нарочно, с этой стаей на болоте. Гиблое место, всем болотам болото.

Деревенские называли его Верховым, оно начиналось километрах в пяти от деревни, а где кончалось – не знал никто. Егор, не раз забредавший туда, был уверен, что, если идти болотом, никуда не сворачивая, упрешься прямым ходом

в тундру – настолько обширными представлялись ему эти владения кикимор и леших. Верно, ни тех, ни других Егор там никогда не встречал, а вот одного болотного жителя знал, как говорится, в лицо.

Прошлой весной, в мае, Егор возвращался из леса. За целый день ходьбы портянки сбились, и Егор присел перемотать их. Разувшись, он разгладил портянки на коленке и уже начал было обертывать ногу, как вдруг увидел волка. Держа в зубах зайца, тот не спеша трусил совсем недалеко от Егора. День был безветренным, в неподвижности воздуха запах человека не долетал до волчьих ноздрей, и зверь не чуял Егора. Однако Егор замер: не учуял, так услышит, только шевельнись. Волк, что кошка, чуть какой шорох, он уже тут как тут. А Егору не хотелось спугивать зверя. Во-первых, волк нес зайца, а во-вторых, бежал прямехонько на болото. Уж не к деткам ли? Заяц-то для какого хрена?

С того раза Егор стал все чаще кружить возле болота и даже углубляться в него, надеясь обнаружить волчьи тропы или встретить самих волков. Но те как в воду канули, зато тропы отыскивались вскоре. Изучив следы, Егор попробовал определить, велика ли стая. Получилось – четыре волка. И только зимой, когда звериные следы читались на снегу, как буквы на бумаге, выяснилось, что в стае семеро зверей. Это было то, что нужно, и Егор стал готовиться к охоте. Но все сорвалось из-за дурацкого случая: как-то, коля дрова, Егор попал по ноге и всю зиму просидел дома. Нога зажила лишь к апрелю, но в апреле какая охота, время упущено. Оставалось одно утешение – дожидаться, когда оцелятся волчицы. Стая жила на болоте, тут и гадать было нечего, и требовалось отыскать логово и взять волчат – хоть и половинная, а все же выгода. А там, глядишь, и до стаи руки дойдут.

Глава 3

...Егор покурил еще раз и опять бросил окурок в волков. А между тем мороз стал донимать не на шутку. Сначала защипало щеки и нос, а потом холод проник и под полушубок. Как Егор ни подтыкал и ни запахивал полы, ветер находил в них щели, добирался до поясицы и спины. А тут еще и ноги затекли, и Егор вытягивал их и так, и сяк, ворочался и трещал сучьями, а волки, словно чувствуя, что ждать осталось недолго, задирали морды вверх и смотрели на Егора. Он показывал им фигу и матерился.

В лесу посинело, тени укоротились, а никто так и не ехал, и Егор подумал, что волки, видать, догнали кобылу. Конечно, догнали, разве убежит лошадь с дровнями от зверей? Потому и не едут, не знают ни о чем. В выходной у всех полно своих забот, кому какое дело, куда уехал Егор. Даже и конюх навряд ли вспомнит, потому что Егор обещал ему, что сам поставит лошадь в конюшню. Жена – та, конечно, дожидается, так ведь ни о чем таком и не думает. И представить себе не может, что волки его на дерево загнали. Топит себе баню да ждет. Дай бог, к вечеру догадается, что дело неладно, так не просидишь до вечера на суку-то. Не петух, лапки не подожмешь да голову под крыло не спрячешь.

От этой мысли Егора взяла злость, и он, увидев над головой сухой сук, отломал его и швырнул в волков. Но те лишь отбежали подальше. Егор невесело усмехнулся: нашел, чем пугать – палкой. Их бы сейчас картечью хлестануть, особенно эту сучку волчицу. У-у, тварь хитрющая! Все чует. Уж как он караулил ее после той ночи, когда она к дому приходила, и все впустую. Как сквозь землю провалилась. А логово? Лучше всякой лисицы упрятала. Чуть не месяц искал, с ног сбился и, если бы не бинокль, не нашел бы...

Глава 4

Самое время искать логова – май. Волки щенятся в конце марта – начале апреля, и выводки надо брать до июня. Не возьмешь – волчата подрастут и не дадутся в руки. Услышат, что подходишь к норе, убегут и спрячутся. И тут ты хоть разыщись их.

Такой случай у Егора был, поэтому нынешней весной он не хотел упускать сроки, и, как только справили праздники, Егор наладился на болото.

«Кто рано встает, тому бог дает» – об этом всегда твердил дед-покойник, к этому приучил и внука, и Егор вышел из дому чуть свет. Солнце только-только выкатилось из-за частокола елок и по крутой дуге поднималось на небо, где, как белье на веревках, висели чистые, подсиненные облака. В избах топились печи, мычали во дворах коровы, а собаки от калиток провожали Егора незлобивым, с ленцой, брехом. Ночью прошел дождь, сильно пахло водой и распутившимся березовым листом, и Егор подумал, что, раз береза пошла в лист, холодов

больше не будет.

Шел Егор налегке – нож в кожаном чехле на поясе, рогожный мешок под мышкой да ломоть хлеба с салом в кармане телогрейки, чтобы было что пожевать, когда захочется. Кепку начиная с весны Егор не носил, надевал только в августе, когда в лесу появлялся клещ, или лосиная вошь, как называли его деревенские, а из всех обувок предпочитал в летнее время одну – бахилы. Самая подходящая для охотника обувка – длинные, выше колен чулки, сшитые из толстого брезента и пропитанные какой-то мазью, которая не пропускала сырость, хоть стой в воде с утра и до ночи. Легкие и прочные – ни одна змея не прокусит – бахилы были незаменимы в лесных скитаниях, и Егор удивлялся, почему их не продают в магазинах. Сам он доставал бахилы у сезонников на торфоразработках – выменивал за тетеревов и глухарей. С портянкой или с шерстяным носком бахилы были лучше всяких сапог.

Легко дышалось Егору в это теплое майское утро. Две недели назад, как раз на Пасху, ему исполнилось двадцать шесть, он был три года женат, души не чаял в маленькой дочке, а охоту не променял бы и на золотые горы. Конечно, лето – пора не охотничья, летом зверь и птица выводят потомство, и бить их в это время запрещено, но для дела, которым занимался Егор, запретных сроков не устанавливалось – волка разрешалось истреблять круглый год. И какими хочешь способами. Хочешь – стреляй, хочешь – лови капканами, а желаешь – мори отравой. Егор так и делал, правда, отравой не пользовался, брезговал, считая, что морить ядом кого-нибудь, пусть даже волка, – не охотничье занятие. Волк – не клоп и не таракан, а животное умная и хитрая, вот и добудь его по правде, ежели ты охотник.

Забота на зиму у Егора была – стая на болоте. Но это – на зиму, до нее еще дожить надо, а вот волчата, которые растут где-то в логове, – неплохой надбавок. Волки помалу не приносят, шесть-семь волчат, как пить дать, бывает и больше, но Егор на много не замахивался. Пусть будет хотя бы пяток, вот тебе и полторы тысячи в кармане. За волчонка платят по три сотенных, а полторы тысячи – это полкоровы.

В голове все складывалось куда как складно, однако Егор знал: отыскать логово – не гриб найти. Конечно, волки далеко в болото не полезут, там им прокорма не хватит, устроятся где-нибудь поближе к лесу да к деревне, но где? С любого края могут окопаться, и будешь неделю ходить вокруг да около, пока не наткнешься. Да еще как сказать, наткнешься ли...

Болото встретило Егора тяжелым запахом испарений, сыростью и той особенной тишиной, какую хранят тайные, дремучие места. словно некая завеса отделяла болото от остального мира, от его привычных звуков и проявлений жизни; здесь против воли хотелось ступать неслышно, а говорить шепотом, как будто и шаги, и слова были запретны среди этих трясин и зыбей.

Ярко-зеленый весенний мох пружинил под ногами, как губка, процеживал сквозь себя коричневую торфяную воду, которая до краев наполняла глубокие вмятины следов. Множество островков, поросших частой березовой молодью и невысокими кривыми соснами, были разбросаны по болоту попеременно с окнами открытой воды, огороженными, как частоколом, зарослями рогоза и осоки. Такие окна могли скрываться и подо мхом, когда посмотришь – вроде безобидный зеленый лужок, а наступишь – и поминай как звали, и Егор остановился, чтобы подобрать шест – будет чем прощупать подозрительное место. Всяких лесин валялось вокруг множество, и нужно было только обрубить у подходящей сучки.

Топора у Егора не было, он никогда не брал с собой топор, который в лесу вечно за что-нибудь да цеплялся; не хуже топора ему служил нож, изготовленный деревенским кузнецом Гошкой. С ручкой из лосиного рога, с широким и тяжелым лезвием, нож годился для любого дела. Им Егор снимал шкуры, рубил лапник для подстилки и валежник для костра, а на спор перерубал даже гвозди.

Пригодился нож и теперь. Через пять минут шест был готов, и Егор, опираясь на него, как на посох, двинулся в глубь болота. Каждый островок в нем мог быть тем самым местом, где устроились волки, и Егор не пропускал ни одного, тыча шестом во все щели. Ноги то и дело проваливались в колдобины, но хуже всего было в чащобе, сквозь нее приходилось продираться согнувшись, и скоро Егор взмок. Отыскав во мху бочажок, он напился из пригоршни, обмыл лицо. После воды потянуло курить, но Егор, жалея время, пересилил себя и пошел дальше.

Солнце, повисев над головой, медленно покатилося к закату, когда Егор решил: на сегодня хватит, и так забрался черт-те куда, пора выбираться. Найдя место посуше, он расстелил мешок и сел. Полез было за махоркой, но вспомнил о сале и достал из кармана сверток. Развернул тряпицу, разломил хлеб, нарезал сало ломтями. На теплой погоде оно потеряло твердость, но от одного только чесночного духа у Егора потекли слюнки. Он ел сало со шкуркой и между делом поглядывал по сторонам.

Болото на глазах меняло свой облик. Воздух над ним чуть заметно посинел, и эта синева, смешиваясь с зеленью мха, осок и листвы, как туман, окутывала все вокруг, перемещалась и пульсировала, словно живая, странным образом изменяя формы и очертания. Повсюду мнилось чье-то движение, слышались какие-то вздохи, какое-то клокотанье и шипенье, а время от времени на поверхность темных окон вырывались громадные пузыри и тут же лопались, чтобы освободить место новым. Казалось, что на всем болоте происходит какая-то невиданная варка, что кто-то, загрузив этот огромный котел, удалился до поры до времени и где-то ждет результатов своего опыта. Сгущаясь, испарения стояли над болотом, как чад, и лучи низкого солнца, пронизывая его под косым углом, вспыхивали и переливались крошечными разноцветными искрами.

Пора было выбираться из этих душных и обманчивых хлябей. Свернув напоследок сигарку, Егор с удовольствием покурил. Он не считал, что день прошел зря. Начало сделано, и это главное. Завтра надо поглядеть с другого края, а понадобится – и с третьего. Ни в какое везение на охоте Егор не верил. Везет только дуракам – это точно сказано. А охота терпения требует. Здесь одним махом да наскоком шиш чего добьешься. Но и зря волынить тоже нечего. До конца месяца, кровь из носа, а надо найти логово. Не найдешь – накрылись твои полторы тысячи.

Но и следующие дни ничего не дали. Егор приходил домой затемно и, даже не поев, валился на постель. Жена подбирала за ним разбросанные по всей избе вещи и в который раз принималась уговаривать Егора бросить охоту. Мало ли в колхозе других дел? Мужиков не хватает, везде примут с радостью. И не надо будет с утра и до ночи таскаться по этому проклятому лесу, мерзнуть и мокнуть и рвать без конца одежду. Она и так не успевает чинить. Всех денег все равно не заработаешь, проживут и на трудодни. Живут же другие.

Егор в разговоры не вступал. Они велись неоднократно, и он знал, что жена поворчит-поворчит и отстанет. Слушая ее вполуха, Егор незаметно засыпал, а утром снова снаряжался и уходил на болото. Он уже признался себе, что дело оказалось труднее, чем думалось. Поиски затягивались, время уходило, а он как был ни с чем, так ни с чем и оставался. Громадная протяженность болота путала все карты, и, чем дальше Егор проникал в него, тем яснее сознавал, что так можно проискать и до морковкина заговенья. Он не знал главного – хотя бы примерного направления на логово.

Верно: троп много, а по какой идти? Все так и так не облазить. Тут сам господь бог не разберется.

Бог, может, и разобрался бы, а Егору отступить было некуда, и он в конце концов придумал выход из положения. Правда, здесь ему требовалась помощь, но Егор надеялся, что ему не откажут. С этим он и отправился ближайшим вечером в дом председателя сельсовета.

Там ужинали – ели жареную картошку. Большая сковорода стояла посередине стола, за которым сидело все семейство.

– А-а, Егор! – сказал председатель. – В самый раз поспел, присаживайся к нашему шалашу.

Егор только что отужинал дома, но обижать отказом председателя не стал.

– Ну как, нашел? – поинтересовался председатель, освобождая Егору место рядом с собой. Он был в курсе всех его охотничьих дел и, видно, подумал, что Егор зашел поделиться с ним очередной удачей.

– Нет еще, – ответил Егор.

– Что так? Чай, вторую неделю ходишь.

– Так болото, Степаныч. Прорва.

– Выходит, не найдешь?

– Найду, никуда не денутся.

– А не опоздаешь? Они к концу месяца уже шустрыми станут, черта с два дадутся в руки.

– Раньше возьму. Ты мне помоги только, дай бинокль денька на два.

– А на кой он тебе? – удивился председатель.

– Есть одна мысль. Гриву возле Сухого ручья знаешь? Сделаю на сосне засидок – никакой волк мимо не проскочит. А мне бы только узнать, в какую сторону они бегают.

– А что, верно! Мы на фронте так делали. Залезешь, бывало, куда повыше, а оттуда в бинокль все как на ладони. – Председатель прошел за перегородку и через минуту вернулся с биноклем. – На, дарю. – И, видя удивление Егора, рассмеялся: – Бери, бери, у меня он все равно без дела лежит!

Бинокль был немецкий, трофейный, и увеличивал так сильно, что когда Егор однажды смотрел в него, то видел всю деревню насквозь до мельчайших подробностей. Имей он такую технику, не бегал бы по лесу, высунув язык. Но взять бинокль за просто так Егор не мог. Поэтому и предложил:

– Давай баш на баш, Степаныч.

– Это как же? – прищурился председатель.

– А очень просто. Ты мне бинокль, а я тебе – нож.

– Гошкин? И не жалко?

– Подумаешь! Сам вон чего отдаешь, а мне нельзя? Егор знал, что его предложение пришлось председателю по душе. Тот не раз любовался ножом, и Егор был доволен, что все получилось честь по чести.

Глава 5

...С каждой минутой сидеть становилось невозможным. Насквозь промерзшие валенки сделались как деревянные, полшубок стоял колом. От ледяного ветра у Егора ломило лоб, замерзшие пальцы не сгибались, и он, чтобы не упасть, привалился боком к стволу. Стало как будто легче, и Егор устало закрыл глаза...

Глава 6

Утром Егор ушел в лес ни свет ни заря. Всю охотничью амуницию он на этот раз оставил дома, взяв с собой лишь бинокль, гвозди и топор. Нож, хотя он и оставался пока у Егора, для сегодняшнего дела не подходил. Рубить хворост или лапник – это совсем не то, что строить засидок. Здесь без топора не обойдешься.

В целом же план Егора выглядел так.

Грива возле Сухого ручья, о которой он говорил председателю, была песчаной косой, глубоко вдававшейся в болото и заросшей столетними соснами. На одной из этих сосен Егор и намеревался соорудить засидок, а проще говоря, помост, чтобы с него рассматривать в бинокль все, что делается на болоте. Волки не могли целыми днями сидеть возле логова, им надо было кормить волчат, бегать туда-сюда, и Егор надеялся рано или поздно засечь в бинокль какого-нибудь волка, а уж тот наведет его на логово. Но осложнения могли возникнуть и здесь. Попадись на глаза переярки – он не помог бы делу. Летом переярки держатся сами по себе, матерые их близко не подпускают к логову, так что засекают требовалось взрослых, волка или волчицу. Только они знали, где логово, и могли показать след.

Егор быстро отыскал то, что ему было нужно, – высокую сосну, росшую на самом краю гривы. Дерево было старое, кора на нем задубела и растрескалась, а нижние сучья давно высохли и отвалились, и, чтобы добраться до крепких лап, пришлось ладить лестницу. Делать настоящую Егор не собирался, проще было прибить к стволу метровые поперечины, и он, свалив две сушины, через час управился с делом. Оставалось забраться повыше и смастерить помост. На это ушел еще час, и когда Егор, наконец, устроился на лапнике как на полатях, то вслух обругал себя: не мог додуматься до простого дела сразу, целую неделю потерял зазря.

С высоты засидка болото и в самом деле просматривалось далеко, каждый островок на нем, каждое окно виделись по отдельности, а в бинокль различались и рябь от ветерка на поверхности окон, и колыхание травы и кустов на островах. Чтобы было совсем хорошо, Егор снял телогрейку, свернул ее поплотнее и подложил под локти. Потом достал из чехла бинокль, подрегулировал резкость и повел окулярами из стороны в сторону, прикидывая, откуда лучше всего начать.

Первыми, кого увидел Егор, были две цапли. Будь Егор на земле, он ни за что не заметил бы их – заросли тростника и рогоза скрывали цапель с головой, но с помоста, приближенные сильным увеличением, птицы гляделись, как на картинке. Серые, с темными крыльями, с хохлами на голове, они расхаживали взад-вперед по залитой водой низине, временами замирали на секунду и вдруг делали быстрый выпад длинными шеями. Как ножницы, раскрывались клювы, и цапли, запрокинув голову, заглатывали добычу. Егор даже рассмотрел, какую – лягушек. У бедолаг был в разгаре любовный сезон, ошалев от избытка чувств, они потеряли всякую осторожность, и цапли ловили их без всякого труда. Они глотали лягушек с необычайной легкостью, и Егор не удивлялся этому – он не раз видел, как цапли с такой же легкостью заглатывали на речке язей величиной с ладонь.

Слева на берегу зашевелились кусты, и Егор сильнее прижал к глазам бинокль, готовый вот-вот увидеть среди нежной зелени темно-серое волчье тело. Но вместо этого из кустов вышел лось. Постоял, как лошадь, поводя в разные стороны ушами, и не спеша пошел вдоль закраины. Он явно не собирался заходить на болото, и Егор, разглядывая лося, подумал: уж не тот ли это, которого в позапрошлом лето он с мужиками вытаскивал из трясины? Похож, да и на болото косится, как собака на палку, как будто знает, что туда лучше не соваться. Если тот, тогда все понятно. В тот раз его ребяташки увидели. Пошли за камышовыми шишками и наткнулись. Бегом в деревню. Ну мужики и снарядились. Веревки взяли, топоры. Как раз успели, лось уже увяз, одна голова торчала. Еле вытащили веревками да вагами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/vorob-ev_boris/ves-egonskaya-volchica

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)